

И. П. Максимов

ЭЛИТИСТСКИЕ ПРИЧИНЫ НОВАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918 ГОДА В ГЕРМАНИИ

58

В 2017–2018 гг. историческое сообщество широко отмечало столетие юбилеи произошедших в конце Первой мировой войны революций. Безусловно, революционные события в России привлекают значительное внимание, однако не меньший интерес вызывает ноябрьская революция 1918 г. в Германии. В настоящей статье поставлена задача осветить состояние немецкой правящей верхушки накануне войны, так как отсутствие ярких личностей среди политического истеблишмента страны, с одной стороны, и единства среди немецкой элиты – с другой, стали важной причиной банкротства кайзеровской Германии. Социально-классовые противоречия внутри немецкой элиты, в частности противоречия между германской буржуазией и аграриями, не позволяли выработать единый четкий курс во внутренней и внешней политике. Кадровые проблемы в руководстве и частые политические скандалы, дискредитировавшие немецкую правящую верхушку в глазах общественности, создавали крайне негативный имидж монархии. Таким образом, отсутствие грамотных управленцев, политических лидеров, способных взять на себя ответственность и вывести страну из кризиса, и создало революционную ситуацию в стране.

In 2017-2018, the historical community commemorated the centenary anniversaries of revolutions that took place at the end of the First World War. Although the revolutionary events in Russia attract greater attention, the German revolution of November 1918 is of no less interest. In this article, I set out to highlight the situation of the German ruling elite on the eve of the war. The absence of bright personalities among the country's political establishment, on the one hand, and the lack of unity among the German elite, on the other, were the major causes of the bankruptcy of the Kaiser's Germany. Social and class conflicts within the German elite, in particular, the tensions between the German bourgeoisie and agrarians rendered it impossible to devise coherent domestic and foreign policies. Incompetent leadership and frequent political scandals, which discredited the German ruling elite in the eyes of the public, created an extremely negative image of the monarchy. Thus, the lack of competent managers and political leaders able to take responsibility and lead the country out of the crisis created a revolutionary situation in the country.

Ключевые слова: Германская империя, сфера с «Дейли телеграф», Б. фон Бюлов, Т. фон Бетман-Гольвег.

Keywords: German Empire, Daily Telegraph-Affaire, B. von Bülow, T. von Bethmann-Hollweg.

В начале XX в. в Германии по сравнению с Россией на первый взгляд проблем было меньше. Отсутствовал многострадальный аграрный вопрос, гораздо менее остро стоял национальный вопрос, немецкая промышленность и буржуазия имели значительно большее влияние, а самой влиятельной фракцией рейхстага были социал-демократы, которые, в отличие от, например, эсеров, стали к началу войны частью немецкой политической системы. Несомненно, свою роль в революции сыграла и Первая мировая война, однако она, как и в России, выступила лишь катализатором событий. Но противоречия между правящими классами, отсутствие политического единства в верхах, слабые личности на ведущих постах подтачивали систему изнутри.

Немецкая правящая верхушка в социальном отношении состояла по большей части из крупных помещиков — юнкеров. Политически они были объединены в несколько партий: имперские консерваторы, свободные консерваторы, а также более мелкие группы (Союз сельских хозяев и др.). Эти партии отражали главным образом интересы юнкерства Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании (в 1900 г. крупные землевладельцы составляли 70 % депутатов консервативных фракций) [15, S. 8], а также офицерства, лютеранского духовенства и зажиточного крестьянства. Именно из представителей консервативных партий формировался административный аппарат Германской империи и верхушка армии. В начале нового века консерваторы все чаще выступали как регрессивная сила, твердо отстаивая свои политические позиции и имущественные интересы [17].

Буржуазия также была представлена несколькими партийными объединениями, в первую очередь партией национал-либералов, вокруг которой группировались крупные немецкие воротилы. Партия никогда не обладала большинством ни в ландтаге, ни в рейхстаге. Традиционная политическая неуверенность немецкой буржуазии сделала ее верным сторонником правительства на долгие годы. Представители национал-либералов редко занимали значимые правительственные посты. Самым крупным политическим успехом для них стал период 1907—1909 гг., когда они вошли в состав правящей коалиции [5, S. 12]. Среднюю и мелкую буржуазию представляли несколько левoliberalных партий и групп. Однако они никак не могли объединиться в более крупное политическое образование и с каждым выбором теряли своих избирателей, которые массово пополняли ряды сторонников социал-демократической партии [11, S. 22]. Одним словом, немецкая буржуазия, несмотря на свой экономический потенциал, не могла трансформировать его в политический капитал. Противостояние юнкерства и буржуазии ярко проявилось в первые годы XX в., когда консервативные партии старались торпедировать все проекты, которые могли затронуть их интересы (как правило, шедшие вразрез с интересами крупных промышленников). Попытка канцлера Б. фон Булова осуществлять «политику сплочения» и придерживаться средней линии между юнкерством и буржуазией с помощью партийной коалиции провалилась: блок просуществовал всего два года.

Отсутствие единства в верхах накладывалось на «кадровый голод» в имперском руководстве. Ни одного сколько-нибудь значимого политического деятеля не появилось между Бисмарком и революцией 1918 г. Воплощением этой проблемы был немецкий император Вильгельм II (1888–1918), который играл гораздо более заметную роль в политической жизни, нежели его дед Вильгельм I. Он жил идеалами XVII–XVIII вв., а его образцом для подражания был Фридрих Великий. Желая царствовать сам, он хотел вникать во все политические подробности, заниматься дипломатией и рабочим вопросом, военными делами и архитектурой. На практике все это превращалось в сплошное мельтешение, законченных концепций и идей у кайзера не было, он был падок на лесть, которая служила ему ориентиром при назначении людей на важнейшие государственные посты и формировании своего окружения [2, с. 21]. Немецкий дипломат А. фон Кидерлен-Вехтер окрестил Вильгельма Внезапным (Plötzlichen). Не менее тонкое прозвище получил кайзер в прессе за свою излишнюю болтливость — Вильгельм Молчаливый.

В начале своего правления новый кайзер вызвал у общества и политической верхушки недоумение (особенно из-за отставки Бисмарка), потом оно сменилось разочарованием, а затем и явным недовольством, которое, правда, не проявлялось открыто до ноября 1908 г. Опальные политики все чаще говорили о «личном режиме» и византизме, пришедших на смену прусскому солдатскому духу [19, S. 28]. Характерную оценку ситуации дает баронесса фон Шпитцемберг в 1907 г.: «И меня часто глубоко огорчает, что в то время, когда наш народ богаче, политически сильнее, чем другие, мы имеем монарха, который искусственно поддерживает патриархально-автократический режим или хочет воскресить то, что давно мертво в сердцах его народа, и при этом возвращает только византизм и сервиллизм, с одной стороны, досаду и пока еще пассивное сопротивление — с другой» [23, S. 478]. Такие суждения не были единичными.

Однако если у Вильгельма I, который тоже не отличался выдающимися талантами, был великий Бисмарк, то Вильгельм II в 1890 г. отправил Бисмарка в отставку, назначив на его место малоизвестного недалекого генерала Л. фон Каприви. Через четыре года его сменил 75-летний старец Х. фон Гогенлоэ-Шиллингфюрст, пребывавший в этой должности шесть лет и получивший в прессе прозвище «старая мамзель» [23, S. 466]. Возглавлявший Германию на посту канцлера с 1900 по 1909 г. Б. фон Бюлов [27] был наиболее яркой личностью этого периода, однако, конечно же, с Бисмарком не шел ни в какое сравнение. Нового канцлера отличали тщеславие, желание присваивать чужие заслуги, а провалы Бюлов пытался представить успехом. Он никогда не перегружал себя работой, часто отдыхал и, что бы ни случилось, старался сохранять хорошее настроение [26, S. 263]. Канцлер был неспособен на смелые нестандартные решения и радикальные повороты и получил у современников весьма схожие оценки. Баронесса фон Шпитцемберг видела в Бюлове «выдающегося, талантливого, но в высшей степени

честолюбивого и, к сожалению, очень скользкого человека, от которого кайзер наверняка никогда не услышит возражений» [23, S. 356]. Такие черты Бюлова, как гибкость, переходящая в изворотливость (недаром он получил прозвища «скользкий угорь» и «канатный плясун»), циничность, беспринципность и неспособность к решению великих задач, отмечают многие современники и историки. Политик Фридрих Науманн и вовсе назвал Бюлова немецким Макиавелли (забавно, но Бюлов и Макиавелли действительно имели нечто общее — они родились в один день) [14, S. 21]. Современники канцлера сильно сомневались в том, что он сможет радикально изменить события. «С таким штурманом (как Бюлов. — И.М.) и капитаном как кайзер немецкое судно должно попасть на рифы», — писал дипломат Монтс в январе 1909 г. [13, Bd. 2, S. 19]. Схожие оценки деловых качеств и характера четвертого канцлера Германской империи преобладают и в историографии. Немецкий историк В. Шюсслер считает, что Бюлов «был создан не для времени бурь, а только для времени спокойного, длительного и постепенного развития, которое не требовало великих решений, неожиданных поворотов» [21, S. 110].

Еще более бледной личностью был преемник Бюлова — Теобальд фон Бетман-Гольвег, занимавший пост канцлера с 1909 по 1917 г. По количеству негативных отзывов и прозвищ он переплюнул всех. Социал-демократы, иронизируя над его высоким ростом, прозвали Бетман-Гольвега «длинная никудышность» (*Lange Unzulänglichkeit*). Сотрудники называли пребывавшего в постоянной задумчивости и рассеянности канцлера «философ из Гогенфинова» или еще более едко — не *Bethmann-Hollweg*, а *Bettmann-Hollweg*, дословно «кроватьный человек», то есть вечно спящий. Постоянная смена суждений и бесхарактерность канцлера привели к появлению еще одного наименования — «дождевой червяк». После отставки Бетман-Гольвега Германия погрузилась в министерскую чехарду, которая выявила еще более бездарных руководителей. Отсутствие волевых государственных деятелей с политическим чутьем и энергией стало характерной особенностью немецкой политической жизни предвоенного периода. «Это время было богато возможностями, но бедно на личности», — пишет немецкий историк Т. Эшенбург [12, S. 283].

Нахождение у власти подобных людей все чаще втягивало немецкую правящую верхушку в постоянные скандалы, самыми крупными из которых стали дело гомосексуалистов, так называемая афера с газетой «Дейли телеграф» и Цабернский инцидент 1913 г.

Первый скандал был инициирован редактором газеты «Ди Цукунфт» журналистом Максимилианом Гарденом. Он обвинил ближайшего друга кайзера Филиппа Эйленбурга (который, кстати, поспособствовал карьере Бюлова) в гомосексуализме в статье «Камарилья извращенцев». Серия статей переросла в судебный процесс против Эйленбурга, продолжавшийся с 1907 по 1909 г. и косвенно затронувший целый ряд лиц из ближайшего окружения императора, в том числе коменданта Берлина генерала Куно фон Мольтке. Скандал разгорался, к

«Ди Цукунфт» подключились остальные издания, в гомосексуализме обвинялся теперь и канцлер Бюлов. В конце концов косвенно эта история наносила немалый урон и авторитету самого кайзера [23, S. 483].

Однако Гарден обвинял окружение кайзера не только в половых извращениях, но и в том, что они оказывали влияние на политику, продавливали те или иные политические решения, в частности утверждалось, что в отставке канцлера Л. фон Каприви в 1894 г. также был замешан кружок Эйленбурга. Судебный процесс, однако, остался незавершенным, он был прерван летом 1909 г. в связи с тяжелой болезнью Эйленбурга. Но к этому моменту общественность уже переключилась на другой, еще более занятный политический скандал.

62

Новый кризис был связан со скандальным интервью Вильгельма II английскому полковнику Уортли [3]. В сентябре 1908 г. Уортли составил из своих бесед с кайзером небольшой текст и отправил готовый материал кайзеру с просьбой просмотреть его и дать согласие на публикацию. Вильгельм текст одобрил, но на всякий случай послал его Бюлову с указанием лично проверить. Канцлер в это время отдыхал на Нордернае и, видимо, поленился прочесть статью, переправив ее в ведомство иностранных дел. Руководство последнего также почти поголовно находилось в отпусках, поэтому текст просматривали второстепенные чиновники, которые не рискнули исправлять мысли императора. Одним словом, интервью в почти не измененном виде 28 октября 1908 г. было напечатано в английской газете «Дейли телеграф».

В этом материале император пытался убедить английское общественное мнение в том, что Германия не имеет с Великобританией серьезных политических противоречий. Для этого Вильгельм присочинил забавные истории: якобы Германия строит военно-морской флот для борьбы с Японией, а не с Англией; немецкие генералы помогли англичанам разгромить буров во время англо-бурской войны, а Франция и Россия хотели совместно с Германией воспользоваться этим и разгромить британцев, но кайзер не позволил [16]. Однако император не учел, что общественное мнение в самой Германии было настроено весьма и весьма антианглийски.

На следующий день интервью было перепечатано немецкими газетами и вызвало такой всплеск негодования в рейхстаге и у общественности, что последующие события ноября 1908 г. получили название «ноябрьской революции». Общественность не подозревала, что настоящая ноябрьская революция произойдет только через десять лет.

«За одну ночь в Германии были разбужены требования парламентского режима», — так оценил реакцию общества историк Й. Цикурш [28, S. 192]. В целом высказывания кайзера на этот раз были ничуть не хуже его более ранних выступлений, но подобный взрыв стал результатом многолетних «трудов» императора. Это была своего рода последняя капля. Кайзеру припомнили все, начиная с отставки Бисмарка. Особенно сильно негодовали из-за того, что Вильгельм упустил верный случай расправиться с англичанами во время англо-бурской войны. «В стране должно было быть очень много гнили, чтобы такой взрыв стал возможным», — пишет историк В. Боймельберг [6, S. 63].

Баронесса фон Шпитцемберг, которая и так не особенно жаловала монарха, на этот раз была просто в ярости: «...постыднейшее, ничтожнейшее, бестактнейшее, опаснейшее из всего, что кайзер до сих пор совершил! <...> Кайзер подрывает наше политическое положение и делает нас посмешищем в глазах всего мира, а его сын прославился тем, что запатентовал новый вид запонок!! Поневоле схватишься за голову, уж не в сумасшедшем ли доме все это происходит!» [23, S. 489]. В шоке были военные, военный министр К. фон Эйнем обвинял Бюлова в предательстве, в том, что «между кайзером и народом возникла пропасть, которая казалась навсегда непреодолимой» [10, S. 118].

Эффект был настолько велик, что в течение 28 и 29 октября Бюлов и его помощники не предпринимали никаких действий. Только 30 октября Бюлов провел экстренное совещание [20, S. 81], а на следующий день вышло официальное заявление, гласившее, что текст был направлен канцлером в министерство иностранных дел и именно его сотрудники допустили выход материала в печать [8, Bd. 24, S. 182]. Свой поступок Бюлов объяснил весьма странно: он не мог сам прочитать то, что было написано неразборчивым почерком на плохой бумаге.

Подобные нелепые объяснения еще больше усугубили ситуацию, так как явно демонстрировали некомпетентность руководства. Лидер национал-либералов Бассерман писал 3 ноября своей жене: «Четыре человека читали [статью]: два посланника, заместитель статс-секретаря, советник — и нашли ее безобидной. Такие нули, ослы сидят в А. А. [ведомстве иностранных дел]!» [9, S. 20].

В рейхстаге 10 и 11 ноября прошли дебаты, посвященные интервью кайзера [24, Bd. 233, с. 5375, 5380]. Требования депутатов, которые действовали на редкость единодушно, сводились к тому, чтобы ограничить «личный режим» кайзера и заставить его подчиняться закону.

Тогда же, 10 ноября, состоялось и выступление Бюлова [24, Bd. 233, S. 5395—5397]. Оно оказалось далеко не таким удачным, как он впоследствии утверждал. «Впервые он выглядел серьезным, разбитым и очень печальным. Его речь была коротка, все что мог он сгладил», — записала в своем дневнике Мария Радзивилл [18, S. 315]. Сорвать аплодисменты ему удалось только благодаря следующей фразе: «Я приобрел в эти дни твердое убеждение, что следует побудить его величество императора в дальнейшем также и в частных беседах соблюдать ту сдержанность, которая совершенно необходима в интересах единства политики и авторитета короны» [24, Bd. 233, S. 5396]. Иными словами, он принял сторону парламента, а потому ничуть не удивительно, что после речи канцлера раздались аплодисменты.

На следующий день, 11 ноября, последовала новая волна обвинений в адрес монарха. Сотрудники канцлера Гамман и Леббель, как вспоминает статс-секретарь финансов Р. фон Сюдгов, намекали Бюлову о необходимости встать на защиту кайзера. Дипломат А. фон Кидерлен-Вехтер, только на днях прибывший из Бухареста и плохо разбиравшийся в обстановке, попытался оправдать действия немецкого МИДа, однако отсутствие у него опыта выступлений и его швабский

диалект вызвали в зале такое веселье, что Кидерлен даже не смог договорить [24, Bd. 233, S. 5432–5433]. Бюлов, который готовился вновь выступить, промолчал. Как свидетельствует Мария Радзивилл, «высказывания в переходах рейхстага были бы достойны лучших дней французского конвента» [18, S. 315]. Обессилевший статс-секретарь внутренних дел Бетман-Гольвег устало пробормотал: «Еще один подобный день, и у нас будет республика» [10, S. 120]. Впрочем, нельзя сказать, что военные стояли за кайзера горой. Офицер немецкого ВМФ Вайцзекер писал родителям, что командный состав в кают-компании тоже нелестно отзывался о его величестве [25, S. 115]. За эти два дня, нанесших авторитету монархии серьезный удар, лишь один (!) депутат высказался в поддержку кайзера. Это был консерватор Э. фон Ольденбург-Янушау. Его выступление вызвало сильное недовольство в стане самих консерваторов [24, Bd. 233, S. 5436–5437].

Совершенно растерянный Бюлов 17 ноября встретился с кайзером и уговорил его подписать обязательство впредь следить за своими публичными высказываниями [1, S. 83]. Историк Т. Эшенбург соглашается с тем, что гарантии, которые дал кайзер, были неслыханными в прусской истории. Это была капитуляция кайзера перед общественным мнением, а его заявление стало водоразделом немецкой внутренней политики эпохи Вильгельма II [12, S. 157].

Публикация данного обещания произвела глубокое впечатление на современников. Журналисты заговорили о «революции» [14, S. 29]. Эффект усилился после выступления Вильгельма 21 ноября в берлинской рагуше. Он был подавлен, впервые читал речь по бумажке, а Бюлов стоял рядом и подавал ему листок за листком [7, Bd. 2, S. 388]. После этого нервная система кайзера окончательно вышла из строя. Император слег, и управление взял на себя кронпринц. Быстро ощутив вкус власти, он стал активно вникать в дела, налаживать контакты с военными (Мольтке-мл.) и даже поинтересовался у Бюлова, насколько болен кайзер, не нужен ли длительный перерыв для поправки здоровья, однако канцлер разочаровал кронпринца, сказав, что через несколько дней Вильгельм встанет на ноги [7, Bd. 2, S. 387]. Действительно, император достаточно быстро пришел в себя, а буря в прессе и рейхстаге вскоре пошла на спад, общественность выговорилась и успокоилась. Последним актом драмы стали дебаты в рейхстаге 2–3 декабря относительно изменения имперской конституции. Их инициировали социалисты, центр и поляки, предлагавшие внести в п. 17 Конституции поправки об ответственности канцлера за высказывания императора по внутренней и внешней политике. Однако дебаты закончились ничем, остальные партии, опасаясь дальнейшей радикализации общественных настроений, настояли на прекращении обсуждения этого вопроса [24, Bd. 233, S. 5903, 5939].

Тем не менее ноябрьский кризис оказал существенное влияние на ход политических событий. Через год кресло канцлера покинул Б. фон Бюлов, авторитет которого в глазах кайзера был подорван, созданная канцлером партийная коалиция из национал-либералов и консерваторов развалилась. Попытка сплотить правящую верхушку оказалась неудачной.

Новый канцлер Т. фон Бетман-Гольвег также не смог избежать неприятностей [4]. Экс-начальник генштаба А. фон Шлиффен язвительно сострил о его назначении: «Мне довольно любопытно, как этот франкфуртец будет управляться с немецкой империей» [10, S. 155]. События не заставили себя ждать, впрочем сам Шлиффен, умерший в январе 1913 г., их уже не застал. В октябре 1913 г. в Германии произошел очередной скандал, так называемый Цабернский инцидент: немецкий офицер фон Форстнер оскорбил в эльзасском городке Цаберн местных жителей в присутствии солдат. История получила широкое освещение в печати, особенно в левой. Канцлер долгое время никак не реагировал на события, пока рейхстаг не потребовал отчета, тогда Бетман-Гольвег, выступая в парламенте, встал на сторону злополучного офицера. Это вызвало взрыв негодования у депутатов, и 4 декабря рейхстаг вынес Бетман-Гольвегу вотум недоверия, который тот проигнорировал. Кайзер также занял в конфликте сторону военных, чем еще больше испортил ситуацию. Авторитет армии все еще был на высоте, особенно в сравнении с гражданскими, теперь же неспособность немецких руководителей эффективно реагировать на политические вызовы, экстравагантность кайзера и бесцеремонность немецкой военщины слились воедино.

С началом войны кадровая политика изменилась. Все большее значение приобретали генералы, а режим Вильгельма II все сильнее напоминал военную диктатуру. Однако авторитет власти это спасти уже не могло. Гражданские чиновники дискредитировали себя в глазах общества многочисленными ошибками, начавшаяся в конце войны министерская чехарда еще более подорвала имидж власти, затянувшаяся война, в свою очередь, не добавляла популярности военным. В результате начавшаяся 3 ноября 1918 г. с восстания в Киле ноябрьская революция уже через шесть дней разрушила кайзеровский режим, казавшийся внешне столь незыблемым и прочным.

Список литературы

1. *Вильгельм II*. Мемуары. События и люди. 1878–1918. Минск, 2003.
2. *Макдона Д.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.
3. *Максимов И.П.* Внутренняя политика канцлера Германской империи Бернгарда фон Бюлова в 1900–1909 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2008.
4. *Садовая Г.М.* Диагональ Бетман-Гольвега // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
5. *Цфасман А.Б.* Кризис Национал-либеральной партии Германии накануне первой мировой войны // Естественно-гуманитарные исследования. 1975. М., 1976. С. 179–199.
6. *Beumelberg W.* Wilhelm II und Bülow. Oldenburg, 1932.
7. *Bülow B. von.* Denkwürdigkeiten. Bd. 2. Von der Marokko-Krise bis zum Abschied. Berlin, 1930.
8. *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914.* Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1924–1925.
9. *Drewes A.* Die "Daily Telegraph"-Affaire vom Herbst 1908 und ihre Wirkungen. Bochum, 1933.

10. *Einem K. von.* Erinnerungen eines Soldaten. Leipzig, 1933.
11. *Elm L.* Zwischen Fortschritt und Reaktion. Geschichte der Parteien der liberalen Bourgeoisie in Deutschland 1893 – 1918. Berlin, 1968.
12. *Eschenburg T.* Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929.
13. *Kiderlen-Wächter A. von.* Der Staatsmann und Mensch. Stuttgart ; Berlin ; Leipzig, 1925.
14. *Martin R.* Fürst Bülow und Kaiser Wilhelm II. Leipzig, 1909.
15. *Neumann W.* Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1900 – 1906. Kiel, 1949.
16. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung.* 1908. 29. Okt.
17. *Puhle H.-J.* Agrarische Interessenpolitik und preußischer Konservatismus im Wilhelminischen Reich (1893 – 1914). Bonn ; Bad Godesberg, 1975.
18. *Radziwill M.* Briefe vom deutschen Kaiserhof 1889 – 1915. Berlin, 1936.
19. *Raschdau L.* Meine Beziehungen zu Fürst Bülow // Front wider Bülow. München, 1931.
20. *Schön W. von.* Fürst Bülows Irrungen und Unwahrheiten // Ibid.
21. *Schüssler W.* Kaiser Wilhelm II. Schicksal und Schuld. Göttingen ; Berlin ; Frankfurt a/M ; Zürich, 1962.
22. *Sheehan J. J.* Der deutsche Liberalismus 1770 – 1914. München, 1983.
23. *Spitzemberg H. von.* Das Tagebuch. Göttingen, 1963.
24. *Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages.* Berlin, 1907 – 1909.
25. *Weizsäcker E. von.* Die Weizsäcker-Papiere 1900 – 1932. Berlin, 1982.
26. *White A.* Aus meinem Diplomatenleben. Leipzig, 1906.
27. *Winzen P.* Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013.
28. *Ziekursch J.* Politische Geschichte des neuen Deutschen Kaiserreiches. Frankfurt a/M, 1925.

Об авторе

Илья Павлович Максимов — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: iliamaks@mail.ru

The author

Dr Ilya P. Maksimov, Assistant Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: iliamaks@mail.ru